

Работа и служение

Протоиерей Олег Корытко

Современные священники все чаще сталкиваются с необходимостью искать дополнительный заработок. Но как определить, какие светские профессии или даже специальности допустимо совмещать со священническим служением, а какие могут ввести пасомых во искушение? Как сегодня трактовать правила, установленные много веков назад? Нужен ли вообще документ, который определит такой список совместимых профессий, или же лучше предоставить решение вопроса о возможности какой-либо светской работы клириков их пастырской совести? Полемику, возникшую вокруг этих вопросов, проанализировал секретарь Комиссии Межсоборного присутствия по церковному управлению, пастырству и организации церковной жизни протоиерей Олег Корытко.

28 января 2015 года президиум Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви утвердил перечень актуальных тем (вопросов), которые были разделены на рубрики в соответствии с профилями деятельности комиссий. Комиссии по вопросам церковного управления и механизмов осуществления соборности в Церкви¹ было предложено проработать «Вопрос о совмещении священнического служения со светской работой; перечень рода деятельности и специальностей, недопустимых для клирика». Позднее эта тема была переформулирована таким образом: «Профессии, совместимые и не совместимые со священством». Итогом ее проработки стал документ, опубликованный для широкого церковно-общественного обсуждения.

Изначально тема показалась ее разработчикам довольно простой и незамысловатой. Представлялось, что потребуется лишь провести анализ соответствующих канонических определений, упорядочить их и снабдить пояснитель-

О ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ ПО ПРОЕКТУ ДОКУМЕНТА МЕЖСОБОРНОГО ПРИСУТСТВИЯ «ПРОФЕССИИ, СОВМЕСТИМЫЕ И НЕ СОВМЕСТИМЫЕ СО СВЯЩЕНСТВОМ»

ными комментариями. Предполагалось, что это и должно было составить структурно-смысловый каркас документа, который потом следовало дополнить и скорректировать в соответствии с поступившими отзывами, предложениями и замечаниями².

Однако уже в начале работы комиссии выяснилось, что вопрос совсем не так прост, как казался. Более того, многие его аспекты воспринимаются разными представителями епископата, клира и церковной общественности, мягко говоря, неединодушно. Иногда разница в позициях обнаруживала диаметрально противоположность взглядов и подходов, что стало особенно заметно при сборе и анализе комментариев, поступивших в ответ на опубликованный текст проекта будущего документа.

Думаю, что особенно уместно продолжить эту дискуссию именно на страницах «Журнала Московской Патриархии», ведь упоминавшийся выше документ непосредственно касается основной читательской аудитории настоящего издания — клириков и кандидатов в священный сан. Смогут ли они совмещать священнослужение с иной деятельностью?

Само появление этого документа весьма симптоматично, как верно заметил автор одного из отзывов (А. Сегеда). Именно актуальность темы совмещения клириками священнослужения со светскими обязанностями стала причиной обсуждения подобного вопроса на общецерковном уровне.

Сегодня наибольшее число трудящихся на светском поприще клириков служит на приходах Русской Православной Церкви, расположенных в дальнем зарубежье. Там подобное явление не новость, к нему давно привыкли, хотя, как думается, едва ли воспринимают его с особой радостью и энтузиазмом.

Из ряда публикаций в СМИ видно, что этот вопрос приобретает все большую актуальность и в странах канонической ответственности Московского Патриархата, особенно в провинции.

Неудивительно, что в этих обстоятельствах как у иерархов, так и у самих клириков возникает вполне понятное желание прояснить ситуацию, разобраться, что здесь является допустимым, а что — возбраняемым (или даже совершенно неприемлемым).

Определение понятий

Прежде всего необходимо определить, что имеется в виду под словом «профессия», вынесенным в заголовок обсуждаемого документа. На это обращает внимание, в частности, поступивший в аппарат Межсоборного присутствия официальный отзыв Рязанской епархии на опубликованный в интернете документ: «Не ясно, что в целом подразумевается под профессией. Это соответствующее образование? Диплом со специальностью? Это официальное трудоустройство где-либо с получением заработной платы? Подработка? Или вообще любое применение своих навыков где бы то ни было?» Все эти вопросы вполне уместны и обоснованны.

Если подходить к проблеме основательно, то необходимо определить юридический смысл указанного термина, то есть проверить, как он используется в официальных документах. В ряде стран существуют даже утвержденные классификаторы профессий, ознакомиться с которыми можно в любой справочно-правовой системе³.

В таком случае, как справедливо замечает в своем отзыве митрополит Волоколамский Иларион, «не проще ли взять классификатор профессий и отметить галочками те профессии, которые допустимы для священнослужителей, и те, которые недопустимы и нежелательны?»

В приведенной цитате архипастыря содержится скрытое указание на вполне очевидную вещь: в современном словоупотреблении этот термин прочно связан с термином «специальность». При этом достаточно бегло взглянуть на приведенный в справочнике список, чтобы оценить тонкую иронию преосвященного респондента. Количество обозначенных в нормативном акте профессий исчисляется тысячами. Многие из них имеют весьма узкую специализацию. Например, одних

специалистов, в наименовании которых есть слово «аппаратчик», там перечисляется несколько сотен, начиная с «аппаратчика абсолютирования» и завершая «аппаратчиком этиленгликолевой установки». Некоторые наименования ни о чем не говорят человеку, не имеющему специальной подготовки.

Получается, что использование термина «профессия» в том значении, в каком оно употреблено в юридическом документе, описывающем и нормирующем профессию, мягко говоря, довольно затруднительно.

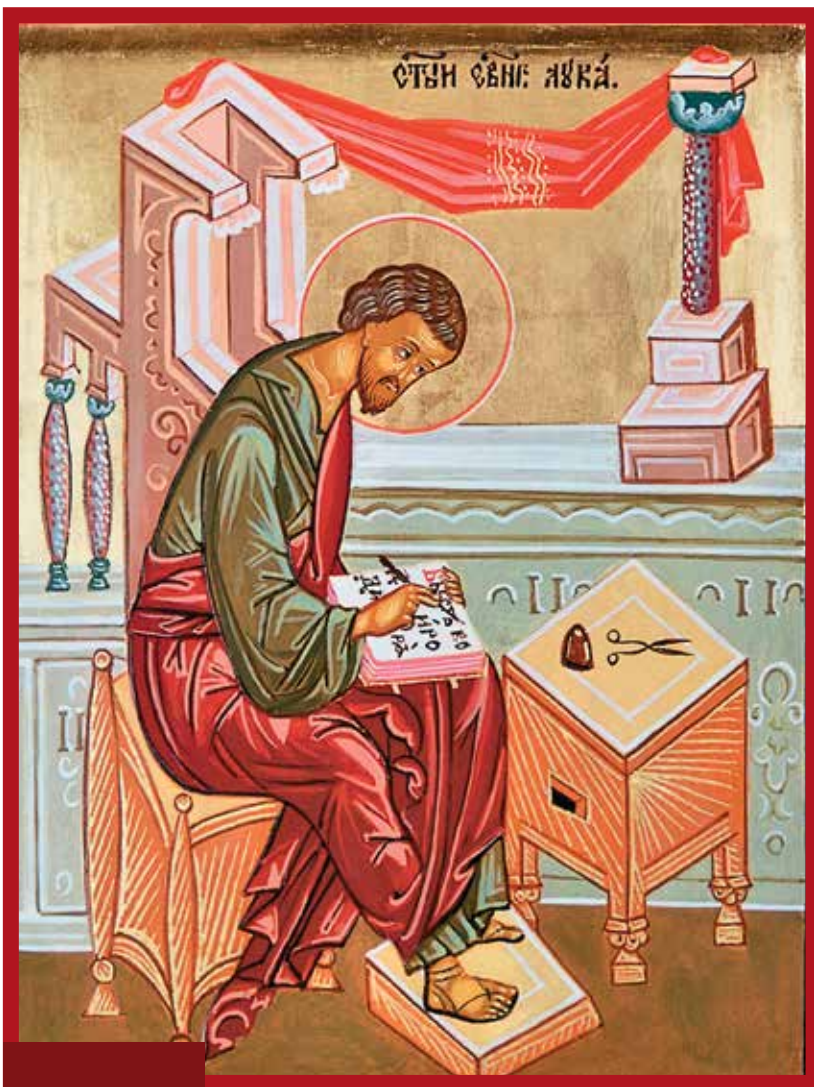
Но и это еще не все. Указанный классификатор — это российский правовой документ, а пространство канонической ответственности Русской Православной Церкви гораздо шире. И на Украине, в Беларуси или Молдове будут свои классификаторы, привести которые к общему знаменателю нам едва ли под силу. Да и вряд ли это необходимо.

Далее. Мы живем в молниеносно меняющемся мире. Профессии, недавно весьма востребованные, сегодня стали рудиментом былой эпохи. Много ли сегодня можно найти извозчиков, телефонистов или машинисток? С другой стороны, появляются и новые специальности, порожденные все тем же научно-техническим прогрессом или социально-политическими изменениями. Еще совсем недавно диковинно звучащие PR-, HR- и IT-менеджеры, мерчендайзеры, тимбилдеры и супервайзеры сегодня стали неотъемлемой частью рынка труда.

Таким образом, стремление составить любой закрытый список профессий-специальностей

Апостол
и евангелист
Лука, врач
возлюбленный
(Кол. 4, 14)

заранее обречен, как видится, на неудачу. Его необходимо будет регулярно корректировать, и чем дальше — тем чаще. Экономическая и общественная жизнь быстро меняется, и поспеть за всеми изменениями невозможно. Да и зачем это нужно?

Судя по контексту, в котором термин «профессия» используется в проекте документа, он употреблен здесь в самом общем значении, то есть примерно так, как его определяет Большой энциклопедический словарь и подобные ему справочные издания: «ПРОФЕССИЯ, -и; ж. [лат. *professio*] — род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования».

Однако столь широкие смысловые рамки ставят перед нами другой, не менее коварный вопрос. Невозможность детальной дифференци-

ации профессий неизбежно приведет к тому, что мы должны будем обозначать их самыми общими категориями. При этом многие современные специальности и связанные с ними профессии амбивалентны в отношении христианских нравственных норм.

Возьмем, например, такую, казалось бы, человеколюбивую по своей природе профессию врача. В сознании благочестивого христианина сразу же возникает образ последователя святого великомученика и целителя Пантелеимона, предлагающего из своего ковчежца лекарства от различных скорбей и хворей.

Однако вполне очевидно, что профильный штатный сотрудник абортария, регулярно проводящий акты «прерывания беременности», также должен называться врачом, поскольку он имеет соответствующее образование, квалификацию и выполняет функции, которые в современном обществе выполняются именно врачами. Но едва ли подобное занятие согласуется с принципами православной этики.

Иначе говоря, здесь мы сталкиваемся с прямо противоположной необходимостью: внесения в текст дополнительных ограничений и оговорок, которые должны до какой-то степени компенсировать широту понимания основного термина. Это неизбежно. И авторы первого проекта документа постарались это сделать, может быть, не всегда удачно. Но их намерение, на мой взгляд, было вполне верное.

Получается, что необходимо определять, скорее, направления его возможной деятельности и допустимые обстоятельства, нежели собственно профессии.

Критерии оценки

Оценивая, какой светской деятельностью может заниматься православный клирик, необходимо определить, что следует считать критериями ее допустимости или, напротив, недопустимости. Представляется, что в качестве таковых могут быть использованы:

- канонические правила,
- нравственные нормы христианства,
- исторические прецеденты,
- церковная целесообразность.

Разберем принципы применения каждого из критериев.

Канонические правила

Канонические правила относительно организации бытовой жизни членов Церкви чаще всего не дают положительных определений того, чем позволительно заниматься клирику на внецерковных поприщах. Вместо этого они возбраняют определенные действия и связанные с ними роды занятий. Например, 10-е правило VI Вселенского Собора однозначно запрещает духовенству заниматься ростовщичеством: «Епископ, или пресвитер, или диакон, взимающий лихвы, или так именуемые сотыя, или да престанет, или да будет извержен».

Подобный подход не дает возможности опереться на каноны для формирования списка разрешенных профессий. Скорее, напротив. В соответствии с общей правовой практикой все остальное следовало бы воспринимать по принципу «что не запрещено, то разрешено».

Другой вопрос, который возникает в связи с каноническими правилами: насколько нормы церковного права, формировавшиеся в эпоху раннего Средневековья или даже поздней античности и порожденные во многом специфическими социально-политическими обстоятельствами той эпохи, применимы к современным реалиям?

Возьмем для примера то же 10-е правило VI Вселенского Собора, запрещающее священнослужителям взимать проценты с данных в долг денег. Правило прямо называет эти приобретения «лихвами» и тем самым однозначно классифицирует это действие как лихоимство. Сегодня невозможно представить себе ситуацию, при которой клирик какой-либо епархии заявил бы, что он в частном порядке готов давать деньги нуждающимся, ссужая им средства под проценты. Полагаю, что подобная дерзновенная мысль едва ли пришла бы на ум современным представителям духовенства. Да и воля правящего архиерея довольно быстро пресекла бы таковое поползновение.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что вся современная экономическая система, хотим мы этого или нет, держится на банковских кредитах. Более того, все храмы, монастыри, канонические структуры нашей Церкви имеют официальные банковские счета, без которых юридическое существование любой организации, в том числе и религиозной, просто невозможно.

Соответственно, это означает, что Церковь как совокупность субъектов экономической деятельности участвует, пусть даже и косвенно, в банковском деле.

С учетом сказанного необходимо констатировать, что существует серьезное различие между «наживанием барышей» на крови и слезах бедняков, закабалаемых ссудными процентами, и работой современных банков, состоящих, по сути, в партнерских отношениях с организациями, которые держат в них свои расчетные счета. Да, современные банки тоже выдают деньги под залог в виде кредитов. Однако, соглашаясь на выделение средств обратившемуся в банк бизнесмену, они становятся косвенными соучастниками его бизнес-проекта и, как всякий предприниматель, хотели бы иметь свою прибыль с дела, в которое вложены деньги. Это уже совсем другая история.

Как в таком случае следовало бы посмотреть на священника, работающего банковским клерком? Или заседающего в совете директоров? Или даже еще проще: работающего на формально нейтральной по отношению к непосредственному банковскому бизнесу должности, например штатным психологом по работе с персоналом или просто водителем в одном из банковских отделений? Ответ на эти вопросы представляется не вполне однозначным.

Приведенная коллизия применения древних норм к современным реалиям — лишь частный случай. Сама по себе тема гораздо глубже. И понятна в таком случае логика протоиерея Александра Суворова (Алма-Ата, Казахстан), высказавшего в своем отзыве следующее суждение: «Есть каноны, есть древние правила, совершенно несоответствующие своей бытовой частью современным реалиям». В этой цитате слышится вполне объяснимое желание умного и образованного священника сделать Церковь ближе, понятнее и доступнее для наших современников.

Однако давайте разоведем эту мысль. Очевидно, что многое из того, что, как мы все понимаем, не имеет догматического значения, тем не менее бережно хранится в Церкви. Взять хотя бы совершенно внешний параметр — священническую (вариант — монашескую) одежду. Какое отношение она имеет к вероучению? Почему бы не разрешить священникам совершать богослужение в светской одежде, а монахам одеваться как

обычным мирянам, раз уж даже наш подрясник есть не что иное, как архаичная бытовая одежда населения Ближнего Востока? Полагаю, что подобные идеи могут быть поддержаны разве что последователями радикального обновленчества. Если уж к таким внешним по отношению к вере вещам в Церкви сохраняется столь бережное отношение, то, естественно, хотелось бы ожидать и благоговейного отношения к канонам.

Справедливости ради следует сказать, что правило «о лихвах» не говорит о какой-либо собственно мирской деятельности, а лишь о возможном отступлении клириков от богозаповеданных библейских нравственных норм. Если же мы поставим своей целью изыскать непосредственно правила, буквально отвечающие на вопрос, как следует воспринимать мирские заботы, возлагаемые на себя духовенством, то

канонические нормы **допускают** (выделение авторов рецензии. — *Примеч. авт.*) возможность для клирика осуществлять педагогическую деятельность и на этом, собственно, «совмещение» заканчивается».

Суждение категоричное, но оно согласуется с вышеуказанной канонической нормой, однако же требует при этом уточнения. Формально речь идет о наставлении детей и подростков («отроков»), а также своих домашних («домочадцев») посредством чтения библейского текста («Божественных писаний»). В довершение еще и указывается, что именно для этого клирик был поставлен в священный сан. Иначе говоря, речь должна идти даже не о педагогической деятельности в собственном смысле слова, а о выполнении учительной обязанности священника, подобно тому как он совершает это, читая Священное Писание в литургическом контексте и истолковывая его в проповеди.

При этом очевидно, что подобное узкое и формальное понимание вышеприведенных правил входит в противоречие как с историческими прецедентами, не получившими церковного осуждения (а во многих ситуациях даже заслужившими одобрение), так и с самим духом христианского отношения к труду и к его плодам. Таким образом, приходится констатировать: недопустимо буквально трактовать эти правила и всю совокупность канонических норм православной традиции.

Безусловно, что правовые тексты необходимо воспринимать через призму нравственных установлений.

Нравственные нормы

Они представляют собой более общий инструмент для прояснения интересующего нас вопроса: какие из видов деятельности допустимы или недопустимы для клирика? Главный принцип их действия может быть определен так: род занятий, предполагающий совершение нравственно порочных действий, воспрещается клирикам (как, впрочем, и всем без исключения христианам).

В качестве антитезы можно было бы добавить: работа, предполагающая совершение действий, одобряемых нравственными нормами христианства, допустима и, вероятно, до некоторой степени похвальна (если вообще может быть похваль-

Необходимо определять, скорее, направления возможной деятельности священнослужителей и допустимые обстоятельства, нежели собственно профессии.

необходимо будет указать прежде всего на 6-е апостольское правило, гласящее: «Епископ, или пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений». Суровость и безапелляционность этого суждения такова, что, если руководствоваться буквой канонической нормы, можно было бы считать тему исчерпанной, а вопрос — закрытым раз и навсегда.

Еще более жесткая формулировка по тому же вопросу содержится в 10-м правиле VII Вселенского Собора: клирикам «не надлежит принимать на себя мирских и **житейских** (выделено мной. — *Примеч. авт.*) попечений, якоже Божественными правилами возбранено сие творить. Если же кто обрящется, занимающий мирскую должность у глаголемых вельмож, или да оставит оную, или да будет извержен. Лучше же да идет учить отроков и домочадцев, читая им Божественное писание: ибо для сего и священство получил».

В официальной рецензии на проект документа, поступившей из Московской духовной академии, в связи с этим прямо говорится: «Ка-

но занятие клириком чем-либо, не сопряженным с его прямыми церковными обязанностями).

Апостол Павел, делающий своими руками палатки, или монах Нитрийской пустыни, плетущий корзины из пальмовых ветвей, — классический пример подобного рода. Вместе с тем я с трудом представляю себе как первого, так и второго работающими над производством бижутерии на продажу, пусть даже и с христианской символикой, что сегодня так широко распространено в греческих или сербских обителях.

Исторические прецеденты

Особый критерий и отдельная тема — исторические прецеденты осуществления духовенством какой-либо деятельности, которая формально не вписывается в каноническую практику Церкви. По сути, речь идет о частных случаях, побуждающих нас высоко оценить гибкость церковной структуры в решении практических вопросов подобного рода.

Пожалуй, самым спорным положением проекта документа, вызвавшим более всего дискуссий, стал тезис о недопустимости священнику заниматься врачебной деятельностью. Ссылка при этом делалась на каноны (широко толкуемые), запрещающие клирику пролитие человеческой крови, а также на то общее соображение, что опасность стать причиной смерти пациента может сделать врача-священника невольным убийцей. Поэтому врачевание не может быть допустимо для клирика.

В отзывах справедливо указывалось на недостаточную обоснованность подобной позиции (отзывы митрополита Волоколамского Илариона, епископа Орехово-Зуевского Пантелеимона, Рязанской епархии, протоиерея А. Суворова, священника М. Капчица, А. Сегеды и многих других). Говорилось, в частности, о том, что:

- ритуальное понимание правила («Номоканон» при Большом Третьяке, ст. 102^а) не следует возводить в абсолютную норму,
- существуют врачебные специальности, не связанные непосредственно с операционным вмешательством,
- несчастный случай при операции не делает врача убийцей (это признается и светским правом), ибо в несчастном случае никто не может быть виновен,

• современные хирурги работают бригадами, и каждый отвечает лишь за сегмент процесса.

Наконец, наиболее часто используемый в отзывах аргумент и является как раз отсылкой к прецедентам, широко известным в церковной среде. Обычно респонденты ссылались на пример святителя Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) и в меньшей степени — на пример апостола и евангелиста Луки, *врача возлюбленного* (Кол. 4, 14).

Схожий пример — занятия ветеринарией. Проект документа дает ссылку на канон, накладывающий прещение на священника «ловца» или «птицоятеля» (135-е правило «Номоканона»). Но в указанном правиле речь идет не о врачевании животных (или как противоположный вариант — о забое скота), а о занятии охотой, что также отметили и многие комментаторы.

Апостол Павел занимался изготовлением палаток (Деян. 18, 3). Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас (2 Фес. 3, 8)

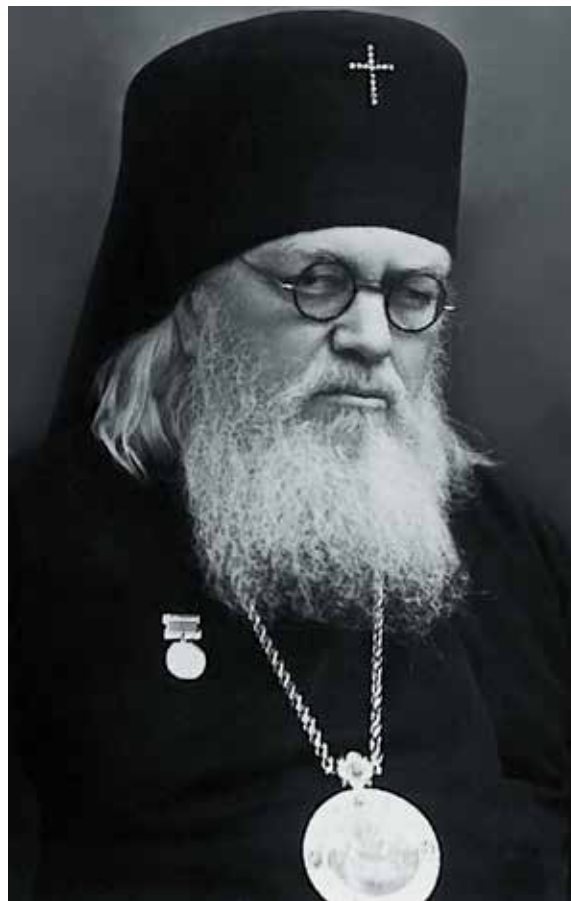
При этом было немало сказано о том, что в традиционных сообществах, которые жили натуральным хозяйством, предполагавшим вовлеченность в подобную деятельность в том числе и представителей духовенства, выполнение ветеринарных процедур было неотъемлемой частью быта и потому никак не могло быть чуждо носителям священного сана.

Очевидно, что краеугольным камнем позиции, в принципе запрещающей убийство любого животного священнику, является опять же ритуальное понимание канонов, противопоставляющих принесение Бескровной Жертвы кровавым жертвоприношениям. Однако если в эпоху раннего христианства кровавые жертвы языческих жрецов составляли «конкуренцию» Евхаристии, то сегодня едва ли возможна ситуация, при которой священник будет обвинен в ритуальном забое животного в честь и во славу «инога бога» и в измене Православию. Показательно, что зачастую мы оказываемся стоящими на позициях гораздо большего ритуализма, чем творцы канонов, жившие на много столетий раньше нас, но руководствовавшиеся, как можно видеть из контекста, церковной пользой.

Предпринимательская деятельность — еще один непростой вопрос. В истории Поместных Церквей в этом плане есть множество прецедентов. Достаточно их и в современной жизни.

На основании 3-го правила Халкидонского Собора, запрещающего брать «имения в откуп», делается вывод о недопустимости клирикам заниматься бизнесом. При этом для некоторых из клира финансово-хозяйственные операции с имуществом, в сущности не отличающиеся от предпринимательства, составляют содержание их должностных обязанностей (например, для монастырских келарей или экономов).

Справедливо было замечено в ряде отзывов, что риск собственным именем (в случае, когда священник действует как физическое лицо или как учредитель собственной организации) гораздо менее опасен для Церкви, чем в случае, когда он осуществляет полномочия, возложенные на него священноначалием. Очевидно, что указанное правило имеет в виду небрежение священническими обязанностями «ради гнусного прибытка». Думается, подобное отстранение от величайшего в мире служения не может

быть одобряемо ни под каким предлогом, как бы благовидно он ни выглядел.

Вместе с тем не секрет, что в современном обществе практически все его члены вовлечены в целый клубок социально-экономических процессов, в частности в товарно-денежные отношения, вовсе отстраниться от которых представляется крайне затруднительным. Таким образом, допустимой для священнослужителя могла бы быть деятельность, которая не противоречила бы духу Евангелия и его базовым нравственным установкам. Однако очевидно, что перечислить закрытым списком все допустимые варианты едва ли возможно.

Примечательна попытка формально определить сферы деятельности, допустимые для клирика, предпринятая в отзыве Саратовской епархии. Одной из таких дозволенных областей является, по мнению авторов отзыва, деятельность в сфере полиграфии и издательства.

Находясь, вероятно, под обаянием благородного образа книгопечатников, авторы отзыва упускают из виду весьма важное обстоятельство: полиграфическая продукция может быть

Архиепископ
Лука Войно-
Ясенецкий
с медперсоналом
госпиталя

очень разного содержания и интеллектуального качества, далеко не всегда благочестивого или хотя бы безобидного свойства. И поэтому вопрос зачастую упирается не в обязанности сами по себе, а в сферу их исполнения.

Например, в современных храмовых комплексах для настройки и поддержания в должном состоянии вентиляционных, канализационных, водопроводных и прочих систем необходимо участие специалиста — инженера, следящего за их работой. Не вижу ничего зазорного в том, чтобы эти функции выполнялись клириком, получающим при этом соответствующую заработную плату. А если же священнослужитель обслуживает точно такие же системы в ночном клубе или в зале игровых автоматов? Признаюсь, мне было бы крайне неприятно об этом узнать, случись подобное с любым из знакомых мне священников. Итак, важна не только производимая работа, но и место, где клирик ее выполняет.

Вопрос о возможности для священнослужителя находиться на государственной службе обсуждался также довольно энергично. Проект документа искусственно разграничивает понятия государственной службы как участия в непосредственном осуществлении властных функций в любой из ветвей власти и занятия должности в самой государственной системе, в случае когда исполнения таковых функций не предполагает-

ся. Считая данное разграничение уместным, должен вместе с тем заметить, что в истории Церкви, в том числе и древней, было немало примеров, когда клирики принимали на себя обязанности даже и светских властителей. Достаточно ознакомиться с лекциями профессора В. В. Болотова по истории древней Церкви. Из недавнего прошлого хорошо известен пример архиепископа Кипрского Макариоса, занимавшего пост президента целой страны. Есть и немало более скромных примеров в настоящее время. Очевидно, что в таком случае даже ссылка на имеющиеся в памяти Церкви случаи не является достаточной. Оценка же подобных прецедентов с позиций христианской нравственности не всегда может быть бесспорной, поэтому здесь должен вступать в силу принцип, который был обозначен выше как церковная целесообразность.

Церковная целесообразность

На нее прямо указывается в документе Архиерейского Собора 2011 года «Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах». Документ, в частности, допускает участие клириков в работе политических и государственных властных структур «в том случае, когда избрание

иерархов или духовенства в законодательный (представительный) орган власти вызвано необходимостью противостоять силам, в том числе раскольническим и иноконфессиональным, стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной Церковью».

Особенно ярко тема церковной целесообразности проявляется в следующей ситуации: можно или нельзя клирику заниматься, как названо в проекте документа, «сценическим пением»?

Всем нам памятна история насельника Пафнутиево-Боровского монастыря иеромонаха Фотия (Мочалова) — победителя вокального конкурса, проходившего на одном из центральных каналов российского телевидения. Согласен с суждением преосвященного митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла, написавшего в своем отзыве: «Хотя мне лично, как человеку, воспитанному в совершенно другой культуре поведения духовенства, не нравится участие священников в этих конкурсах (имеется в виду телевизионный конкурс «Голос». — *Примеч. авт.*), но я не могу не замечать положительного влияния поющих священников на околоцерковных людей».

Описанный случай для меня лично — яркий пример действия Промысла Божия, который, по мудрому рассуждению святителя Филарета Московского, «всякому добру вспомоществует, а возникающее через удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям».

Вместе с тем нельзя не отметить, что для многих церковных людей исполнение священником (да к тому же еще и монахом) на сцене оперных арий, любовных романсов или иных лирических произведений является серьезным соблазном. И потому, может, действительно лучше не делать ничего такого, отчего брат твой претягается, или соблазняется, или изнемогает (Рим. 14, 21), и использовать для свидетельства о Христе иные средства и возможности?

Совсем другая ситуация при наличии очевидной церковной пользы складывается с выступлениями хора духовенства Ленинградской митрополии, созданного приснопамятным митрополитом Никодимом (Ротовым), или исполнением в зале Московской консерватории «Страстей по Матфею» митрополита Волоколамского Илариона.

Убежден, что в подобных ситуациях именно церковная целесообразность должна, как представляется, служить основным критерием допустимости или недопустимости внецерковной деятельности священника.

В завершение хотелось бы выразить не робкую надежду, но твердую уверенность в том, что современные клирики вполне осознают свою ответственность перед Богом и Церковью. Потому полагаю вполне допустимым предоставить решение вопроса о возможности какой-либо светской работы их пастырской совести.

В случаях же чрезвычайного, очевидным образом противоречащего каноническому строю, евангельским нравственным нормам и церковной целесообразности поведения всегда остается возможность для проявления воли архиерея, коему поручена забота об устройении местной Церкви.

* * *

Что же касается самой постановки вопроса о создании концептуального документа, исчерпывающего все варианты и частные случаи занятия священниками светской деятельностью, то мне в связи с этим вспоминаются ставшие уже крылатыми слова Святейшего Патриарха Кирилла, некогда произнесенные им на Епархиальном собрании города Москвы в ответ на просьбу прописать в постановлении запрет на одно очевидное безрассудство: «Никаким самым обширным документом невозможно покрыть все многообразие человеческой глупости».

Дорогие читатели! Свои мнения, суждения и предложения относительно данной темы вы можете присылать на адрес электронной почты com2msp@ya.ru.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ныне — Комиссия по церковному управлению, пастырству и организации церковной жизни.

² Проект документа был опубликован на официальном сайте Межсоборного присутствия msobor.ru, сайте patriarchia.ru, а также портале bogoslov.ru. Каждый желающий мог прислать свой отзыв с предложениями и замечаниями. Кроме того, документ был разослан для обсуждения и получения отзывов в епархии, викариатства, основные канонические подразделения и учебные заведения Русской Православной Церкви.

³ Например: Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94 (ОКПДТР) (принят постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. N 367) (с изменениями и дополнениями) [Электронный документ] // Информационно-правовой портал «Гарант». — URL: <http://base.garant.ru/1548770/> (дата обращения: 10.01.2018).

⁴ В проекте документа ошибочно указывается ст. 132.